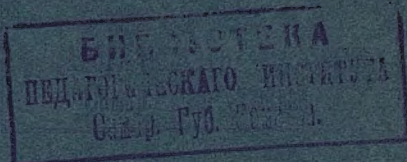

476684p

4890

476684

476687

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ
БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие“ порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целостность редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ“ НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского
„Записки Института Л Е Н И Н А“
т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной
библиотеки

ЕО 13578. Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ,

891.71.092

Д 13

БИБЛИОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
См. д. Руб. Совѣта.

КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

О ЗНАЧЕНИИ ГОГОЛЯ

ВЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

И. И. Давыдова.

1948 г.

Не смотря на безпредѣльное поприще науки и искусства, гдѣ каждому ученому и художнику всегда оставаться будетъ много мѣста для занятій, мы иногда бываемъ слишкомъ взыскательны въ отношеніи къ тѣмъ изъ собратьевъ нашихъ, которые выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ людей. Лишь гробница отдаляетъ на безконечное пространство человѣка, произносящаго мнѣніе, отъ того, о комъ мнѣніе произносится. Тутъ прекращаются мелочные разчеты, утихаютъ страсти — и появляется истина.

Къ этой грустной думѣ приводитъ насъ недавняя утрата, понесенная нами въ Гоголя, писателѣ самобытномъ, талантѣ своеобразномъ. И Гоголь, мало бывавшій въ столкновеніи съ людьми, повидимому не имѣвшій враговъ, посвятившій всю жизнь литературѣ, имѣетъ восторженныхъ хвалителей и умолимыхъ порицателей. Достоинства его и талантъ мы видимъ яснѣе теперь, когда его среди насъ не стало.

Этому писателю, похищенному смертью въ періодъ полного его развитія, я почитаю себя обязаннымъ, въ качествѣ Академика,

Чувств. Шовская
№ 476687
Обл. Библиотека

принести дань справедливаго уваженія. Безъ сомнѣнія, многіе изъ литераторовъ нашихъ займутся его жизнеописаніемъ, подробнымъ разборомъ каждаго его сочиненія, вполне оцѣнять литературныя его заслуги: я намѣренъ въ настоящемъ случаѣ, въ бѣгломъ очеркѣ, опредѣлить *значеніе Гоголя въ отечественной словесности*. Не пользовавшись личнымъ знакомствомъ съ этимъ замѣчательнымъ талантомъ, я вникалъ въ его произведенія, разбиралъ ихъ съ профессорской кафедрой предъ юными слушателями, со всею строгостью критики: поэтому вы, мм. гг., можете ожидать отъ бесѣды моей спокойнаго изслѣдованія, чуждаго всякаго *пристрастія*, лишь только руководимаго началами науки. Я ограничусь показаніемъ, во-первыхъ, *идеальной вѣрности лицъ и характеровъ въ произведеніяхъ Гоголя*; во-вторыхъ, *особаго его способа изображенія жизни*; въ-третьихъ, *значенія Гоголя въ словесности отечественной*.

I.

Назначеніе изящнаго искусства вообще и въ особенности поэзіи состоитъ въ томъ, чтобы въ чувственныхъ формахъ представить свободное развитіе духа нашего и непостоянное внѣшнее уподобить неизмѣняемой идеѣ. Въ искусствѣ только истина, которую разумъ постигаетъ въ природѣ даже выражаясь языкомъ математическимъ, освобождается отъ всѣхъ случайностей и отъ могучаго закона необходимости. Здѣсь духъ проявляется, не стѣсненный нуждами вещественнаго міра, осязательно представляетъ развитіе врожденной силы своей, въ себѣ самой носящей тѣ идеалы, которымъ мы изумляемся въ поэзіи, живописи, музыкѣ. Очевидно, что

потребность для духа нашего въ изящномъ искусствѣ рождается отъ недостаточности изящнаго въ природѣ.

Какимъ же образомъ изящное искусство восполняетъ недостатокъ изящнаго въ природѣ? — Все, что въ окружающемъ насъ мірѣ смѣшано съ случайностью, въ искусствѣ приводится къ идеальному; все случайное отбрасывается отъ постоянно пребывающаго, и такимъ *очищеніемъ* воспроизводится *идеальн.* Посмотрите на живописца: что дѣлаетъ онъ при изображеніи чьего-либо лица, гдѣ наименѣе идеаль проявляется? Онъ уловляетъ одніе существенныя черты, выражающія душу, или идею изображаемаго лица. Въ этомъ внѣшнемъ проявленіи идеи, или въ этомъ одухотвореніи дѣйствительности и состоитъ сущность идеала.

Формы, въ которыхъ духъ проявляется въ видимомъ мірѣ, въ искусствѣ принимаются за символы: это только способъ, какимъ духъ выражается. Голландская живопись н. п. изображаетъ мелкія и грязныя сцены домашняго быта: что жъ намъ нравится въ этой Тенъеровской живописи? Въ ней мы любимъ твореніями духа, преобразующаго внѣшнюю, вещественную сторону предметовъ въ представленія, болѣе съ нимъ согласныя; художникъ отвлекаетъ отъ предметовъ физическія, измѣняющіяся качества, и изображаетъ неизмѣнныя ихъ свойства. Отъ этого предметы измѣняющіеся становятся, подобно идеаламъ, прочными: мгновенная улыбка лица, удовленная живописцемъ, на картинѣ продолжается; лучъ свѣта отвердѣваетъ; самая мысль человѣческая останавливается.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ высшемъ значеніи изображенія изящнаго искусства, поэзіи по преимуществу, воспроизводя предметы природы, сохраняютъ ихъ естественную форму, но распространяютъ ихъ силу и смыслъ. Все, существующее въ приро-

дѣ частно и индивидуально, въ искусствѣ представляется всеобщимъ. Художникъ и поэтъ заимствуютъ у природы не все, что въ ней находятъ, а только черты существенныя, или истинныя — то, чѣмъ предметъ собственно существуетъ. Таковы у Гомера все изображенія героевъ Иліады и Одиссеи, а у Шекспира изображенія Гамлета, Макбета, Цезаря, Брута, Ромео, Юліи. Идеализировать — значитъ творить въ смыслѣ духа, и произведенія искусства тогда только могутъ явиться идеальными, когда художникъ и поэтъ выражаютъ безусловную, вѣчную истину, какъ разумное начало предметовъ.

Во основаніи каждаго образа предмета лежитъ *первообразъ*: этотъ мысленный первообразъ, по которому художникъ и поэтъ творятъ свои произведенія, носятъ они въ себѣ самихъ; произведенія ихъ рождаются изъ глубины душевной. Художественное или поэтическое твореніе не есть повтореніе чего-нибудь уже существующаго, или подражаніе, но воспроизводится изъ полноты духа. То, что раздѣлено между безсознательною природою и мыслящимъ духомъ — т. е. необходимость вещества и свободная дѣятельность безсмертной души, въ поэтѣ и художникѣ соединено нераздѣльно. Изыщныя произведенія искусства, рождаясь въ области фантазіи какъ бы безсознательно, выполняются сознательно; они представляютъ взаимное проникновеніе вещественной необходимости и свободной духовной дѣятельности. Первообразы, съ которыхъ списываютъ поэтъ и художникъ, не иное что, какъ присущія духу идеи. Напротивъ, если поэтъ и художникъ безусловно подчиняются природѣ; то произведенія ихъ не будутъ идеальными твореніями, а обезображенною дѣйствительностью, тогда какъ они должны быть столько же выше дѣйствительныхъ предметовъ, сколько разумная душа человѣческая выше окру-

жающей насъ безсознательной природы. Безпрерывное измѣненіе чувственныхъ формъ показываетъ намъ, что не въ нихъ заключается сущность вещей и лицъ, и что цѣль искусства, какъ живаго изображенія идеи изящнаго, есть возможное приближеніе къ идеаламъ въ осязательныхъ образахъ. Искусство творить неизмѣняемое и вѣчное, изображая лишь то, что составляетъ въ предметахъ неизмѣняемое и истинное, или ихъ идею. Оно тогда подражаетъ природѣ, когда, подобно ей, владѣетъ тѣми законами, по которымъ должно творить свои произведенія.

Эти основныя положенія объ изящномъ въ искусствѣ приложимъ къ изображеніямъ, какія находимъ въ сочиненіяхъ Гоголя.

Обыкновенно упрекаютъ автора *Ревизора* и *Мертвыхъ душъ* въ неестественности дѣйствующихъ лицъ и характеровъ, даже въ невозможности завязки, въ которой заключается вся занимательность этой комедіи и повѣсти о Чичиковѣ.

Но какая основная идея Ревизора? — Изображеніе эгоизма и своекорыстія подъ личиною усердія къ общей пользѣ. Отсюда развилась художественная картина провинціального общества въ ненормальномъ его состояніи. Въ дѣйствующихъ лицахъ комедіи представлены общіе недостатки, свойственные въ извѣстной мѣрѣ различнымъ классамъ общества. Завязка вѣрна психологически: это, какъ говоритъ самъ авторъ, *страхъ идущаго вдали закона*. Такой человѣкъ, какимъ представленъ Городничій у Гоголя, послѣ различныхъ продѣлокъ, безнаказанно сходявшихъ съ рукъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, при распространеніи слухѣ о ревизорѣ, могъ принять Хлестакова за карателя своихъ дѣйствій. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ уличало его въ преступленія; каждое присутственное мѣсто на-

поминало ему о его незаконныхъ поступкахъ. Какъ же ему не утрашиться мнимаго ревизора?—Всѣ прочія лица—живыя изображенія темныхъ сторонъ судьбы, смотрителя богоугодныхъ заведеній, смотрителя училищъ: это *типы многого, разбросаннаго въ разныхъ характерахъ*, и все это здѣсь соединилось въ представленныхъ лицахъ.

Точно тоже должно сказать о дѣйствующихъ лицахъ въ Мертвыхъ душахъ: всѣ они представляютъ *общее въ единичномъ*, или наоборотъ, дѣйствительность, возведенную на степень общихъ идей. Возьмемъ *Ноздрева*: развѣ это не самое вѣрное изображеніе разбитнаго малаго, взбалмошнаго, хвастуна, забіяки? Развѣ мы не видимъ *Собакевичевыхъ*, или людей, у которыхъ, по словамъ самого Гоголя, тѣло осилило все и стало неспособно къ выраженію душевныхъ движеній? Не удивителенъ ли типъ скряги, *Плюшкина*, скупость котораго уничтожила всѣ человѣческія чувства и превратила ихъ въ одни животныя побужденія?

Говорить ли объ изящныхъ изображеніяхъ, какими оживлены *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, *Старосвятскіе помѣщики*, *Тарасъ Бульба* и другія повѣсти? На нихъ лежитъ печать сильной основной мысли, истины и окончанности характеровъ, вѣрности описаній мѣстностей, городскихъ нравовъ и деревенскихъ обычаевъ, свѣжести и яркости красокъ каждой поэтической картины. Какая прелесть въ картинахъ Украинскихъ ночей, Днѣпра, степей, Плюшкина сада, дороги! Во всѣхъ изображеніяхъ Гоголя представляется только то, что *составляетъ въ предметахъ неизмѣняемое, истинное, ихъ идею* въ осязательныхъ формахъ; а такія представленія, какъ мы сказали выше, произведенія творческой фантазіи, и называемъ мы изящными, или изображеніями идеаловъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ

вездѣ поразительная народность. Тарасъ Бульба, изображая общую идею борьбы долга службы съ чувствованіями отца, представляетъ и эпоху удалства и подвиговъ казачества. Онъ съ природою своею составляетъ одно цѣлое — съ его небомъ, Днѣпровскими порогами и конемъ; онъ у себя дома лишь только въ Запорожѣ. Одинъ только истинный поэтъ и художникъ носятъ въ себѣ даръ и потребность выражать въ вѣрной формѣ все, что они чувствуютъ и что представляетъ ихъ фантазія; они легко находятъ въ себѣ особое воззрѣніе на природу и человека, какъ органъ для выраженія мысли. Отъ того все, что живетъ и волнуется въ душѣ поэта и художника, проявляется въ чувственныхъ образахъ, знакомыхъ имъ изъ міросозерцанія, примѣненныхъ къ ихъ цѣли; чрезъ нихъ выражаютъ они истину въ совершенствѣ.

Послѣ этого справедливы ли упреки, какіе иными дѣлаются Гоголю? Чуждый неумѣренныхъ восхваленій, доходившихъ до восторженности, я не могу равно не удивляться, какъ нѣкоторые изъ заслуженныхъ литераторовъ не признаютъ изящества въ произведеніяхъ этого замѣчательнаго таланта. Истинные идеалы понятны для всѣхъ и cadaго, потому что въ началахъ, заставляющихъ лица и характеры дѣйствовать, мы узнаемъ собственные наши страсти и стремленія.

II.

До сихъ поръ изслѣдовали мы осуществленіе идеи изящнаго, или идеала, и видѣли, какъ образы Гоголя идеальны и вѣрны, представляя типы въ лицахъ. Теперь рассмотримъ особый его способъ изображенія жизни.

Идея изящнаго, или идеалъ, по причинѣ органическаго единства идеи съ формою, въ послѣдовательномъ развитіи своемъ во

времени всегда находить соответственную себѣ форму. Въ этомъ отношеніи развитіе идеала представляетъ три главныя формы: *символическую, классическую и романтическую*. Въ символической формѣ идея отыскиваетъ настоящее выраженіе себя самой въ искусствѣ, и не находитъ; потому что выраженіе еще неопредѣленно. Она не можетъ проявить себя во внѣшней природѣ согласно съ ея истинною сущностью. Напротивъ, единство и совершенная гармонія идеи и ея внѣшняго проявленія составляютъ вторую форму — классическую. Въ дальнѣйшемъ развитіи идея изящнаго не удовлетворяется формами внѣшняго міра, уединяется въ свой внутренній міръ. Это сосредоточеніе духа въ себѣ самомъ есть типъ формы романтической. Короче, символическое искусство *ищетъ* совершеннаго единства идеи съ внѣшнею формою, и не находитъ; искусство классическое *находитъ* его; романтическое *выходитъ* изъ этого единства, по причинѣ безконечной своей духовности, которая выше видимаго міра. Совершенство классическаго искусства состояло въ сліяніи идеи съ формою, когда природа была одухотворена, когда духъ создалъ изъ нея вѣрное изображеніе себя самого. Развитіе и возвышеніе духа, находящаго въ себѣ то, чего прежде искалъ онъ въ мірѣ чувственномъ — духа, сознающаго себя и гармонирующаго съ самимъ собою, составляетъ основное начало романтическаго искусства. Чтѣ изображаютъ творенія Гомера и Гезіода? Это олицетворенные представители внѣшней природы, движители физическихъ явленій. Но первая картина новаго искусства романтическаго есть Страшный Судъ Микель-Анджело, а за нею Рафаэлева Мадонна. Первыми произведеніями архитектуры были соборныя церкви. Первая поэма въ Христіанской поэзіи — Дантовъ адъ, чистилище и рай.

Изящное въ искусствѣ романтическомъ является болѣе *высокимъ*, нежели прекраснымъ, какъ въ искусствѣ классическомъ. Но какъ высокое познается въ борьбѣ духа человѣческаго или съ самимъ собою, или съ окружающимъ его міромъ; то оно и представляетъ двѣ противоположности: *трогательное*, или торжество духа, и *смѣшное*, когда духъ подчиняется чувственности. У Шекспира обѣ стороны высокаго, трогательное и смѣшное, встрѣчаются въ одномъ и томъ же произведеніи; отъ важныхъ явленій жизни поэтъ переходитъ къ мелочнымъ подробностямъ. Таковъ въ Гамлетѣ разговоръ стражи на дворцовомъ дворѣ, въ Ромео и Юліи — шутки слугъ, и подобныя сцены въ другихъ трагедіяхъ. — Эти двѣ стороны новаго искусства имѣютъ основаніемъ — одна сочувствіе и любовь ко всему возвышенному и правдивому въ жизни; другая — чувство негодованія ко всему пошлому и безправдивому. Въ душѣ поэта и художника начертанъ идеалъ правдиваго совершенства — образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Мѣра приближенія къ этому идеалу, или мѣра удаленія отъ него — вотъ, что составляетъ предметъ наблюдательнаго таланта. Отъ того одинъ вдохновляется достоинствами людей и правдивымъ ихъ совершенствованіемъ; другой изображаетъ уклоненія отъ совершенства — говоря словами Гоголя, *всю потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь*. Въ томъ и другомъ изображеніи жизни цѣль одна, различіе въ способѣ достиженія этой цѣли: цѣль того и другого — идея жизни, достойной человѣка, правдиваго совершенства; способы — одинъ прямой, другой косвенный. Тотъ вѣрно сочувствуетъ всему высокому, кто отвращается отъ всего ничтожнаго. «Развѣ положительное и отрицательное, говоритъ Гоголь (въ Театральномъ разѣздѣ послѣ представленія

Ревизора), не может служить той же цѣли? Развѣ трагедія и комедія не могутъ выразить одну и ту же высокую мысль? Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному».

Наконецъ въ новомъ искусствѣ мы встрѣчаемъ еще изображенія такого состоянія души, въ которомъ сливаются и веселость, возбуждаемая противорѣчіями жизни, и горькое сожалѣніе объ уклоненіяхъ человѣка отъ высокаго его назначенія. Въ такомъ сліяніи *смѣха и слезъ* заключается сущность юмора. Гоголь выразилъ самъ назначеніе своего юмора: «озарить жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы».

Такъ какъ въ словесности нашей мы видимъ разумную послѣдовательность литературныхъ понятій и требованій: то кого изъ писателей нашихъ назовемъ мы представителемъ этой современной юмористической поэзіи? Кто у насъ сталъ изображать въ произведеніяхъ своихъ все, что сердце человѣка заключаетъ въ глубинѣ своей — его радости и страданія, его желанія, дѣйствія и стремленія? Изображеніе въ человѣческой природѣ того, что въ ней есть неизмѣннаго, и притомъ со всѣмъ разнообразіемъ отечественныхъ элементовъ и формъ, послѣ Жуковского и Пушкина принадлежитъ въ нашей словесности Гоголю. Жуковский всегда будетъ представителемъ поэзіи романтической; по сильному вліянію его твореній, можно назвать его воспитателемъ цѣлаго поколѣнія. Отъ направленія, даннаго поэзіи Пушкинымъ, романы и повѣсти стали избирать сценою дѣйствія Русь, отражать Русскую жизнь, возсоздавая ее изъ народнаго характера въ различныхъ видахъ и на разныхъ ступеняхъ общества. Но выразить въ художествен-

ныхъ произведеніяхъ потребность современную, изобразить привычки, страсти, оттѣнки характеровъ ненормальныхъ — это досталось въ удѣлъ Гоголю. Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій, Грибодовъ, Пушкинъ, представляютъ *последовательность въ развитіи нашей словесности*; въ глубокомъ же изображеніи жизни съ *темной ея стороны* пальма первенства должна быть отдана Гоголю.

Изъ предыдущихъ изслѣдованій ясно, что и пошлая жизнь, за изображеніе которой многіе упрекаютъ Гоголя, имѣетъ мѣсто въ искусствѣ, равно какъ и въ природѣ возлѣ человѣка, вѣща Божіяго творенія, пресмыкается отвратительный крокодилъ и гремучій змѣй. «Равно чудны, говоритъ самъ поэтъ, стекла, озирающія солнца, и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія; высокій, торжественный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ.» Поэтому Гоголь по свѣому достигаетъ цѣли поэзіи: *идею жизни*, достойной человѣка, *изображаетъ* онъ не прямымъ, а *косвеннымъ* способомъ.

III.

Изслѣдовавъ вѣрность изображеній лицъ и характеровъ въ произведеніяхъ Гоголя, его особый способъ изображенія жизни, что заключимъ мы о значеніи Гоголя въ словесности отечественной?

Выслушаемъ собственныя его признанія (Выбран. мѣста изъ переписки съ друзьями стр. 141-143). «Обо мнѣ много толковали, пишетъ Гоголь, разбирая кое-какія мои стороны; но главнаго

существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человека, чтобъ вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее, и котораго точно нѣтъ у другихъ писателей. Оно въ послѣдствіи усугубилось во мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нимъ нѣкотораго душевнаго обстоятельства. Это свойство выступило съ болѣею силою въ Мертвыхъ душахъ».

Потомъ онъ продолжаетъ:

«Мертвыя души не по тому такъ испугали многихъ и произвели такой шумъ, чтобъ онѣ раскрыли какія-нибудь раны общества или внутреннія болѣзни, и не по тому также, чтобъ представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности. Ни чуть не бывало. Герои мой вовсе не злодѣи: прибавъ я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними со всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другаго, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что гдѣ-то даже и отдохнуть или перевести духъ бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ, но пошлости не простили мнѣ».

Мы уже выше замѣтили, что это воззрѣніе на жизнь человека, противорѣчащую законамъ духовной или физической его природы, равно принятымъ условіямъ и формамъ общества, въ

искусствѣ одинаково важно съ воззрѣніемъ на всѣ другія стороны человѣчества: оно требуетъ также творческой художественной дѣятельности. Грязныя подробности иныхъ картинъ, представляющихъ пошлость жизни, многимъ бросаются въ глаза: справедливо, что и безъ нихъ картины не потеряли бы своего достоинства. Но таланты сами не могутъ противиться причудливости своей фантазіи. Истинный поэтъ и художникъ несутъ въ себѣ даръ и потребность выражать въ своей любимой формѣ все, что они чувствуютъ и что представляетъ ихъ фантазія; они въ себѣ находятъ и особое воззрѣніе на природу и человѣчество. Идея, составляющая основаніе избраннаго поэтомъ или художникомъ предмета, присущая духу, ихъ вдохновляетъ. Поэтому не будемъ оскорблять ихъ упреками въ томъ, что намъ не нравится: лучше поблагодаримъ ихъ за то, чѣмъ мы наслаждаемся въ ихъ произведеніяхъ. Творенія Гоголя показываютъ, что предметъ ихъ былъ имъ изученъ глубоко и зрѣло обдуманъ. Обыкновенно истина, общая основа и искусства и науки, не является въ искусствѣ въ видѣ философической мысли: фантазія облачаетъ отвлеченную истину въ осязательную форму, въ живую дѣйствительность. Все, что волнуетъ въ душѣ поэта, какъ сказано выше, является въ чувственныхъ образахъ, примѣненныхъ къ его цѣли. Въ этой умственной работѣ, отливающей разумный элементъ въ чувственной формѣ, поэтъ призываетъ на помощь глубокую чувствительность, которая эту форму усваиваетъ, претворяетъ въ собственное свое существо. Такимъ только образомъ поэтъ бываетъ въ состояніи повѣдать намъ тайны жизни. Такъ у Гоголя мать, которая не наглядится на двухъ сыновей своихъ, пріѣхавшихъ изъ бѣсы, и которая провожаетъ ихъ и благословляетъ на службу, не есть ли идеаль материнской любви и нежности? Или козакъ,

благговѣйно преданный вѣрѣ своей, свято хранящій присягу, при казни сына, перемѣнившего вѣру, уступаетъ на мгновеніе чувству отца—не показываетъ ли глубокаго изученія человѣческаго сердца? Всѣ тончайшіе оттѣнки въ характерахъ городничаго, смотрителя богоугодныхъ заведеній и уѣзднаго училища, Бобчипскихъ и Добчипскихъ, Маниловыхъ и Собакевичевыхъ, Коробочекъ и Плюшкиныхъ, не свидѣтельствуютъ ли многолѣтнихъ психологическихъ наблюденій, которыя самому художнику стоили горячихъ слезъ? Не удивляемся ли мы множеству бѣглыхъ, но вѣрныхъ очерковъ лицъ и характеровъ, городовъ и деревень? А эти вздохи, которые иногда вырываются изъ груди писателя, не служатъ ли доказательствомъ, что онъ самъ страдалъ за свои изображенія? Не за подобныя ли изображенія мы не перестаемъ удивляться Тациту, Ювеналу? Развѣ у Фонъ-Визинна, въ «Горѣ отъ ума» Грибоѣдова, «въ Онѣгинѣ» Пушкина, мы видимъ не ту же ложность и пустоту жизни? Разность только въ томъ, что Фонъ-Визинъ *смѣется* надъ своими лицами, Грибоѣдовъ *негодуетъ*, Пушкинъ *вскрываетъ* раны испорченнаго сердца; а Гоголь, спокойно рисуя свои типы и возводя дѣйствительность въ *перло искусства, самъ груститъ*. Смѣхъ, имъ возбуждаемый, по справедливости достоинъ стать рядомъ съ лирическимъ движеніемъ.

Вотъ это юмористическое изображеніе *пошлости жизни* и составляетъ характеръ произведеній Гоголя; особымъ юморомъ отличается онъ отъ другихъ писателей, сходныхъ съ нимъ по направленію и равныхъ по таланту. Въ немъ глубокое чувство и самая своенравная фантазія подчиняются въ высшей степени аналитическому уму, который всѣмъ образамъ сообщаетъ необыкновенное спокойствіе и вѣрность въ очертаніяхъ. У него дѣйствіе проходитъ въ глазахъ нашихъ такъ же

естественно и просто, какъ бываетъ оно въ жизни. Гоголь забываетъ самого себя, и переселяется фантазіею въ міръ ви́шній. Отъ того въ его изображеніяхъ и характерахъ удивительная ясность, опредѣленность, личность; въ нихъ совершенное *согласіе дѣйствительности съ идеальностью* — цѣль изящнаго искусства. Между Нѣмецкими писателями въ этомъ родѣ юмористическихъ романовъ и повѣстей прославились Ж. Поль Рихтеръ и Гофманъ, съ которыми сравниваютъ нашего писателя; но юморъ перваго любитъ чудесное, а юморъ втораго создаетъ себѣ особый міръ пришедшій, которымъ не достаесть опредѣленнаго очертанія и полнаго колорита. Скорѣе можно сравнить Гоголя съ Диккенсомъ, изумляющимъ своими тоже вѣрными, точными и свѣжими изображеніями обыкновеннаго быта житейскаго. Внесемъ въ отечественную словесность *новой юмористической стихіи* приобрѣлъ Гоголь *литературное у насъ значеніе*.

Этимъ, по мнѣнію нашему, и ограничиваются литературныя заслуги Гоголя. Избранный имъ родъ поэтическаго творчества, выражаясь его же словами, *тина мелочей, опутавшихъ нашу жизнь*, занимая насъ, не дѣйствуетъ однако на душу животворно, не увлекаетъ за собою, не собираетъ около себя послѣдователей. Забавныя шутки и каррикатуры не потрясаютъ насъ столько, какъ послѣдовательное развитіе возвышеннаго предмета. Художественное произведеніе во всѣхъ искусствахъ, какъ живой организмъ, тогда является истиннымъ творчествомъ, когда части цѣлаго представляютъ развитіе изъ одного начала, и когда поэтъ и художникъ, проникнутые и одушевленные идеею предмета, не искажаютъ ея излишними околичностями. Такъ выражали идеалы свои Гомеръ, Софокль,

Шекспиръ, Гёте. Юморъ же позволяетъ себѣ прикрасы, нерѣдко чуждыя предмету и отсюду заимствованныя.

Кромѣ свойства самаго рода творчества, который, какъ все *отрицающее*, не животворить и не влечетъ за собою, Гоголю недостаетъ совершенства и безукоризненности выраженія; а совершенное выраженіе для писателя — стихъ и рѣчь живописно-мелодическая. Достоинство стихотвореній Жуковского, сверхъ внутренняго изящества, заключается въ прелести стиха; по выраженію самого Гоголя, *онъ легокъ и безтѣлесенъ какъ видѣніе*. Художественскій стихъ Пушкина выказываетъ даже отливъ душевныхъ движеній, жизнь изображаемаго предмета. У него не только каждый стихъ, но и слова, отдѣльно взятая, соответствуютъ со всею точностью выражаемой мысли. Отъ того, съ появленіемъ первыхъ произведеній Жуковского и Пушкина, за нихъ триумфальными колесницами устремились толпы послѣдователей и подражателей. А Карамзинъ, кромѣ безсмертнаго творенія отечественной исторіи, чѣмъ восхитилъ у всѣхъ современниковъ своихъ пальму *перваго* писателя? Слогомъ и языкомъ. До сихъ поръ нѣтъ ему равнаго по описаніямъ и повѣствованіямъ, по легкости, живости, простотѣ, благозвучію, неистощимому обилію. Мысль нераздѣльно соединена съ выраженіемъ, какъ душа и тѣло, и только свѣтлая мысль въ прекрасномъ выраженіи, или, какъ говорить поэтъ, *могучей мысли свѣтъ и жаръ и огнедышащее слово* доходить до потомства.

Этого огнедышащаго слова мы не находимъ въ произведеніяхъ Гоголя. Если отдѣлимъ рѣчь отъ слога, разумѣя подъ первымъ общія свойства выраженія, зависящія отъ генія языка, а подъ вторымъ — личный способъ выраженія, зависящій отъ дарованій писателя: то въ рѣчи Гоголя даже найдутся недостатки; но слогъ его самобытный, не смотря на свосправную

причудливость. Существенныя отличія его — изобразительность, разнообразіе въ разговорѣ лицъ, показывающемъ характеръ каждаго лица, сила въ особенностяхъ тамъ, гдѣ писатель воодушевленъ чувствомъ или любимой мыслию.

Вотъ, для оправданія словъ моихъ, прекрасное по изобразительности описаніе Диѣпра, но не совѣтъ безукоризненное въ отношеніи къ чистотѣ рѣчи. «Чуденъ Диѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса горы полныя воды свои. Ни замедлохнеть, ни прогнѣмнѣть. Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина, и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ сткляныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко освѣтиться въ водахъ. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Диѣпръ и при теплой лѣтней почѣ, когда все засыпаетъ — и человѣкъ, и звѣрь, и птица; а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды. Звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и все разомъ отдаются въ Диѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Диѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ. Ни одна не убѣжитъ отъ него; развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими вѣтвями, и древле разломанныя горы, свѣсаясь, смятся закрыть его хотя длиною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Диѣпръ. Спѣй, спѣй, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь почѣ, какъ середь дня, видѣнъ за столько въ даль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночнаго холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю; и она вспыхиваетъ будто полоса

446657

дамазкой сабли; а онъ, сишій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Дитѣрь, и пѣть рѣки, равной ему въ мѣрѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черныя лѣсъ шатаются до корня, дубы трещать, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый мѣръ — страшенъ тогда Дитѣрь! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпроважая своего сына въ войско. Разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ кощѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и заливается горячими слезами.

Но мы были бы несправедливы, если бы требовали отъ писателей всѣхъ условій совершенства поэтического; будемъ признательны имъ и за то, что они намъ оставляютъ. Гоголь вѣренъ былъ назначенію своему, и онъ совершилъ все, что позволяли совершить силы, свѣнне ему дарованныя. Если бы онъ написалъ только «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» «Тараса Бульбу», «Старосветскихъ помѣщиковъ»; то и тогда мы были бы ему благодарны за тѣ наслѣдствія, которыя перечувствовали отъ этихъ произведеній. Какое право имѣемъ мы на то, чего писатель не могъ или не хотѣлъ для насъ сдѣлать?

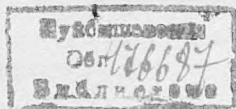
«Его мечты, его желанья,
Его боязни, ожиданья,
Все тайна въ немъ, все въ немъ молчить;
Въ душѣ заботливо хранитъ
Онъ неразгаданныя чувства».

Странно слышать восторженные возгласы хвалителей, сравнивающихъ Гоголя съ Гомеромъ и Шекспиромъ; но несправедливы, по нашему мнѣнію, и порицатели, которые ставятъ его

наравнѣ съ простыми расказчиками о житьѣ-бытьѣ Малорос-
сіянь. Гоголь — писатель самообытный, талантъ своеобычный.
Ему на долю достался трудный и неблагодарный участокъ
литературы — юмористическое изображеніе жизни съ темной
ея стороны: и за художническую разработку этого участка за-
нимаетъ онъ почетное мѣсто въ отечественной словесности.
Съ этой точки зрѣнія разсматриваемыя, идеальныя его изобра-
женія лицъ и характеровъ вѣрны, въ послѣдовательномъ раз-
витіи литературныхъ понятій современны, а глубиною чувства
они превышаютъ подобныя имъ изображенія другихъ писателей.
При всемъ томъ произведеніямъ Гоголя недостаетъ того, что
довершаетъ художественность и народность — изящнаго,
образцоваго выраженія.

Симъ заключаю бѣглый очеркъ мой о значеніи Гоголя въ
отечественной словесности. Литературныя заслуги его для
Русскихъ никогда не будутъ забыты. Память о писателяхъ
сохраняется въ памятникахъ, которые они сами сооружаютъ
въ своихъ твореніяхъ.

(Изъ 6-го выпуска 4-го тома Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи
Наукъ).

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
2 Сентября 1852 г. Непременный Секретарь П. Фусъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

